
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ДОКЛАДЫ

УДК 130.2

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ**А.Л. Алавердян**

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: strahov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается важная проблема русского характера, его основные признаки и противоречивые черты. Автор возражает против «женственности» русских. Он приходит к заключению, что русский народ разделяет ценности свободы.

Ключевые слова: характер, женственность, свобода, модернизация, русский

Проблема национального характера поднимается давно, в России она актуализируется с начала полемики западников и славянофилов. О специфических чертах русского народа ведут речь и мыслители, от непосредственного участия в указанных лагерях дистанцирующиеся. История России в XX столетии (уже СССР) интерес к данной проблеме только увеличила, хотя в самой России, входящей в состав Советского Союза, рассматривался уже не столько «национальный характер», русский или какой еще, сколько характер советского человека, интернационалиста и строителя коммунизма. В исследовательской литературе и партийных документах того времени ставился вопрос о возникновении новой исторической общности – советского народа. Такая постановка, заметим, имела реальную почву под собой, хотя методологически и особенно теоретически достаточно корректной все же не была. Методологически она исходила исключительно из марксистско-ленинского классового подхода, а в теории помимо общего утопического характера марксизма в целом, который убедительно был показан еще

П.И. Новгородцевым, наблюдалось (несмотря на огромное количество публикаций и диссертаций) отсутствие строгости в определениях исторических общностей людей – рода и племени, народности и нации.

Попытки показать различия народности и нации выглядели неубедительно и в конечном счете сводились к тому, что нация формируется при капитализме и характеризуется устойчивостью экономических связей, у народности, формирующейся при рабовладении и феодализме, отсутствующей. Не случайно в статистических данных о населении СССР речь шла о «нациях и народностях» и то приблизительно, переписи разных лет приводили разные, то большие, то меньшие цифры, сколько было народностей и сколько наций, никто не осмеливался посчитать! Да и критерий общности экономических связей применительно к прошлому столетию уже не работал. В связи с этим представляется, если отталкиваться от языковых и культурных различиях, более уместным говорить об этнических общностях, а нацию определять применительно к современности как мультикультурную общность, отличающуюся гражданством и единством экономических связей. Тогда именно советский народ выступал нацией, как нацией является народ российский. Здесь напрашивается сопоставление с американской нацией, тоже «новой исторической общностью», однако с той разницей, что в США

«переплавлялись» этносы, покинувшие историческую родину, в России шло сближение в относительно единое целое (разумеется, не только на основе общего гражданства) этносов, на своей исторической родине проживающих. Процессы, аналогичные Новому свету, происходят в современной Западной Европе, открывшейся для миграционных потоков. В конце XX – начале XXI вв., например, французская нация – это французский, государствообразующий («титულный») этнос и те миллионы мусульман, что являются выходцами из Азии и Африки. Другое дело, что в пределах нации находится место для этнических или религиозных конфликтов и присутствуют сепаратистские настроения, что и требует уточнения по поводу относительности ее целостности: сепаратистские настроения проявились и в России, а в Великобритании проявляются веками.

Соответственно, можно ставить вопрос о национальном, а можно об этническом, точнее, этнокультурном характере (снятие биологического социальным привело к неразрывности природного и культурного начал) как важной составляющей менталитета. Пресловутая «народная душа», о которой так любили рассуждать в позапрошлом – начале прошлого столетий, и есть характер, но не менталитет, нередко с «душой» отождествляемый, но включающий в себя не только созвучное характеру, душе мировосприятие, но и миропонимание, за пределы психического выходящее. А этнокультурный характер представляет собой преимущественно сферу психического. Этнокультурный характер – совокупность типичных психических и моральных качеств, свойственных тому или иному этносу. В исследовательской литературе нередко допускается расширенное понимание характера как «системы основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений и т.п.» [1, 76], но такая система скорее выступает как менталитет. О.М. Казакова, сравнивая менталитет и характер и справедливо отмечая, что понятие первого шире понятия второго, полагает вместе с тем, что менталитет как более глубинное явление уходит корнями в коллективное бессознательное, однако, то же можно отметить и в отношении характера. «Характер имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания», – пишет А.Д. Мещеряков [2, 152]. Менталитет – своеобразие мировоззрения, вытекающее из специфики его субъекта, а поэтому, как выше отмечалось, включает в себя и миропонимание, в то время как характер ограничивается мировосприятием, если рассматривать их с позиций ступеней мировоззренческого освоения действительности, и общественной психологией, если исходить из традиционного для исследовательской литературы советского периода разграничения двух уровней общественного сознания.

Методологической основой понимания русского характера выступает отмеченная рядом авторов, философов и представителей творческой интеллигенции (А. Блоком, например), противоречивость пресловутой русской души. С.А. Аскольдов по этому поводу пишет: «Русская душа, как и всякая, трехсоставна и имеет лишь своеобразное сочетание своих трех основных частей. В составе же всякой души есть начало *святое*, специфически *человеческое* и *звериное*. Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*» [3, 225]. Такую позицию, во всяком случае применительно к русской половой культуре, в которой сочетаются аскетические настроения с грубым развратом, разделяет А.М. Страхов. И.Т. Кокорев пишет о «соединении самых противоположных качеств» на индивидуальном уровне: «Самые низшие пороки не мешают иногда проявлению в одной и той же личности высоких добродетелей, и наоборот; себялюбие уживается с самоотвержением; ханжество идет об руку с порывами истинного благочестия; плут, который без обмана часу не проживет, делает тайные благодеяния; и мало ли подобных явлений!» [4, 30]. А вот Д.С. Лихачев против такого противопоставления противоположных черт русского народа возражает, считая, что это оппозиция «реального» и «призрачного». «Черт

русского национального характера очень много. Существование их непросто доказать. Особенно, если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости – скупость (чаще всего неоправданная), доброте – злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе – стремление к деспотизму и т.д. Но, к счастью, реальной национальной черте противостоит по большей части призрачная, которая особенно заметна на фоне первой – настоящей и определяющей историческое бытие», – подчеркивает Лихачев [5, 5]. Вместе с тем автор все же допускает наличие «теневого противовеса» русских национальных черт, эффект которого опасен и должен быть предотвращен посредством правильной направленности последних. Представляется, что оппозиция святого и звериного в русском характере есть, но неравнозначная – в разные исторические периоды и в разных конкретных ситуациях преобладает то одно, то другое начало, поскольку русскому народу присуще впадать в крайности. «Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного», – пишет Лихачев [6, 5]. Однако, может в этом и счастье – слишком много испытаний пришлось вынести на протяжении своей истории русскому этносу, из которых он вышел с честью именно благодаря «пределам возможного»!

Данное обстоятельство опровергает расхожие рассуждения о «женственности» русской души, довольно распространенные в русской философской литературе позапрошлого – начала прошлого веков. О женственности русских писали Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.Ф. Эрн, вели речь славянофилы. «Женственный» русский народ, во-первых, одержал множество военных побед, в т.ч. над «мужественным» германским, во-вторых, сама такая постановка вопроса представляется неубедительной и неверной. «Думается, при всей несомненной важности пола, при всей очевидной многоплановости его проявлений, вряд ли оправдано привнесение “полового момента” в “национально-коллективную жизнь” русского или любого другого народа (уж скорее оправдано привнесение момента возрастного, что находило своеобразное преломление в теоретических построениях Данилевского и его последователей)», – отмечает А.М. Страхов [7, 63]. Специфику русской храбрости, отличной и от храбрости «устарелого французского рыцарства» и от храбрости «южных народов», хорошо показал Л.Н. Толстой. «Я всегда и везде, особенно на Кавказе, замечал особенный такт у нашего солдата во время опасности умалчивать и обходить те вещи, которые могли бы невыгодно действовать на дух товарищей. Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера», – пишет Толстой [8, 89]. А по поводу русского капитана писатель замечает: «Француз, который при Ватерлоо сказал: “La garde meurt, mais ne se rend pas”, – и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости...» [9, 32]. Впоследствии Толстой разовьет эти мысли в «Войне и мире». Кстати, храбрости как черте русского характера «противовеса», если воспользоваться термином Лихачева, не находится.

«Противовеса» не обнаруживается и у терпеливости, конечно, не беспредельной, и тогда страшным оказывается «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» [10, 525]. Терпеливость не следует подменять покорностью, «рабским» подчинением. Ни татаро-монгольское завоевание (оно в принципе не могло обеспечить сколько-нибудь полный контроль над массой тогдашнего древнерусского этноса, ограничиваясь политическим влиянием на князей, сбором дани и карательными операциями против непокорных), ни крепостное право, просуществовавшее в России до 1861 г. спасаясь от которого русские люди осваивали новые территории (при всех своих издержках крепостничество не являлось рабством, да и многочисленные протестные выступления крепостных, сжигавших помещичьи усадьбы и убивавших наиболее жестоких «бар» – при неизвестных обстоятельствах был убит и отец Ф.М. Достоевского, человек жестокий и питавший склонность к крестьянским женам и дочерям, – свидетельствуют в пользу свободолюбивости русских), ни самодержавный характер царской власти не смогли изменить такую черту русского характера как внутреннее стремление к свободе и справедливости. К сожалению, слишком часто ссылаются на чеховские слова о необходимости по каплям выдавливать из себя раба, неоправданно экстраполируя индивидуальное, личностное на общественное, этническое. Стремление русских к свободе сказалось на отношении к законам, нарушавшихся во все времена при малейшей возможности их обойти, а часто и вопреки ей. Модернизация России на рубеже XX – XXI вв. только усугубило это стремление, выступающее одним из значимых препятствий на пути построения правового государства. Препятствует последнему и безинициативность россиян в отношении создания институтов гражданского общества, элементы которого создаются преимущественно сверху (гражданская палата, например) или из-за рубежа, со стороны (к примеру, феминистские организации). Данное обстоятельство связано не с рабским характером, а с пресловутым русским «авось», когда русский человек, не зная, какой будет урожай, зависящий в зоне неустойчивого земледелия от причуд погодноклиматических условий, уповал на случай и Божью помощь – авось повезет. А.И. Левитов приводит рассказ попутчика, «белого парня» с мельницы, о том, как крестьяне утешали англичанина: «Авось бог! Авось вывезет?» [11, 62].

В отличие от характера, внешним влияниям в большей степени подлежит менталитет, точнее, та его составляющая, которая выходит за пределы относящихся к характеру психических установок. Соответственно, если русский характер со всей своей противоречивостью остается прежним, то менталитет в обществе российского модерна и постмодерна изменения претерпел. Так, воинская храбрость как отличительная черта русского характера проявлялась во все времена в войнах и конфликтах. Так было в дореволюционной самодержавной России, так было и в советское время на фронтах Великой Отечественной войны и в Афганистане, хотя воевали, во-первых, представители разных поколений, во-вторых, война в Афганистане была войной для молодых солдат, проявляющий русский характер, чужой. Тем не менее это были все советские люди, хотя менталитет «афганцев» уже предполагал долю критичности и насмешки, выразившейся в многочисленных «политических» анекдотах, в отношении «партии и правительства». Но то же мужество продемонстрировали солдаты – срочники, необученные, неподготовленные, задействованные в акции, если воспользоваться словами А.И. Герцена, сказанными им о подавлении польских восстаний, «полицейского усмирения войсками» в Чечне. Фактической войны в 90-е гг. XX века (войной не признанной, поскольку тогда это была бы гражданская война!) в отличие от военных действий в новом тысячелетии, когда под угрозой оказался Дагестан, можно было избежать, но видно кто-то в Москве был в ней заинтересован, война эта была федеральным центром проиграна политически, а военным руководством стратегически и тактически, что понимали и солдаты, уже представители «поколения пепси», однако это не помешало им русский характер в очередной раз проявить. При этом одни демонстрировали «святое», другие – «звериное»

(немногочисленные судебные процессы над военными – лишь надводная часть айсберга), как, впрочем, всегда бывает на войне.

Рыночная экономика столкнулась не столько с трудностями, вытекающими из русского характера, сколько с проблемами, порожденными отечественным менталитетом. Русский человек выдержал испытание рынком в период капиталистической модернизации России в XIX столетии, когда вчерашние крепостные и их потомки за сравнительно короткий срок составили ядро успешного предпринимательства и купечества. Особенно отличалась в этом отношении Москва, город «торговый, промышленный и мануфактурный», по словам В.Г. Белинского, где столько «движения, жизни умственной, торговой, промышленной», по выражению И.Т. Кокорева. Последний в своих рассказах и очерках убедительно раскрывает предприимчивость и торговую «жилку» русских людей из народа, рассказывает о деревенском мужичке, пошедшем в Белокаменную, как часто называли Москву, «с одной котомкой да с тою смышленостью и умением принаравливаться всюду, куда ни поверни, – этими двумя способностями, которыми мы сами в себе не надивимся» [12, 142]. Справедливо указанные Кокоревым черты сохранились, а менталитет за годы плановой советской экономики претерпел изменения, подорвав трудовую мораль и породив иждивенческие настроения: гарантированная (пусть очень скромная) оплата даже некачественного труда, пресловутая «уровнировка», подрывающая стимулы к эффективной деятельности, по мере того как энтузиазм исчерпал себя, привели наряду с другими факторами к стагнации. В результате значительные массы населения к рынку оказались не готовы, получив свободу, они не выдержали испытания ответственностью.

«Добротолубие» – еще одна отличительная черта русского характера, в котором было, есть и будет стремление поделиться со страждущим и нуждающимся ближним (не случайно нищенство приняло в постсоветской России коммерческий размах). Но в менталитете советского человека в силу идеологических установок произошли изменения, в результате которых постыдным стало не только просить, но и подавать. Сохранились, однако, народные традиции гостеприимства и хлебосольства, отраженные в сказках, пословицах и поговорках. Рыночная экономика внесла свои поправки: в условиях первоначального обнищания русские люди начали ходить в гости «со своим», от чего стали отказываться по мере улучшения своего материального положения в XXI в. По мере утверждения в стране рынка в менталитете укрепляется осознание важности успешности, что сказалось, например, на отказе от в советское время столь распространенного обычая «стрелять» на улице сигареты. Последние в потребительской корзине не только подорожали, но даже подешевели, и только очень «неуспешный» человек может попросить у незнакомца угостить сигаретой, когда торговля табачными изделиями осуществляется, по крайней мере в больших городах, круглосуточно и едва ли не повсеместно.

«Святость в оболочке греха» присуща русскому человеку с его противоречивым характером. Только этим можно объяснить, почему, с одной стороны, так быстро и легко народные массы впали в навязываемый им сверху атеизм, с другой стороны, вопреки семидесятилетнему преследованию в стране религии сохранялась «подспудная» религиозность, благодаря чему так же быстро и так же легко в демократической России произошла десекуляризация. К религии обратилась не только молодежь, но и многие представители поколения, воспитанного при советской власти, однако, не всегда к Православию, что тоже (как многочисленные ереси и секты в прошлом) лишней раз подтверждает русский дух свободы и бунтарства. Стремление русских «во всем достигать последнего предела» следует развивать, убежден Д.С. Лихачев, «по преимуществу в духовной области». «Пусть будут у нас герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святые, наконец», – отмечает Лихачев [13, 5-6]. Они будут, потому что и не исчезали.

Список литературы

1. Казакова О.М. Менталитет, национальный характер и общественное сознание: к вопросу о разграничении понятий //Человек: философская рефлексия: материалы Всероссийской (с междун. участ.) науч.-практ. конф. Вып. 1. – Барнаул: Алтайский университет,2006. – С. 76-77.
2. Мещеряков А.Д. Русский менталитет //Духовное возрождение: сб. науч., науч.-прикладных и творч. работ. Вып. XXIV. – Белгород: БГТУ,2006. – С. 151-165.
3. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции //Вехи. Из глубины. – М.: Правда,1991. – С.210-249.
4. Кокорев И.Т. Сибирка. *Мещанские очерки* /Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ,1959. – С.1-56.
5. Лихачев Д.С. О национальном характере русских //Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
6. Там же.
7. Страхов А.М. «Половой момент национально- коллективной жизни» //Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Междун. сб. науч. трудов. – Вып. 24. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет,2004. – С.60-64.
8. Толстой Л.Н. Рубка леса . *Рассказ юнкера* /Собр. соч. в 20 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ,1960. – С.55-93.
9. Толстой Л.Н. Набег. *Рассказ волонтера* /Указ. соч. Т. 2. – С.7-35.
10. Пушкин А.С. Капитанская дочка /Собр. соч. в 10 т. Т. 6. – М.: Наука,1964. – С.391-556.
11. Левитов А.И. Степная дорога ночью /Избранное. – М.: Советская Россия,1980. – С.47-63.
12. Кокорев И.Т. Ярославцы в Москве. /Указ. соч. – С.141-150.
13. Лихачев Д.С. О национальном характере русских.

RUSSIAN CHARACTER IN CONDITIONS OF MODERNISATION

A.L. Alaverdian

Belgorod State University, Preobrajenskaja St., 78, Belgorod, 308000, Russia
e-mail: strahov@bsu.edu.ru

The article deals with important problem of Russian character, its basic attributes and inconsistent features. The author objects to “femininity” of Russians. He comes to conclusion that Russian people divides the values of freedom.

Key words: character, femininity, freedom, modernization, Russian

